

ПОЭТИКА В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ ТАТАРСКОЙ И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУР

© М.И.Ибрагимов

В статье обосновывается дискурсивный подход к сопоставительному изучению поэтики; ставится вопрос об особом содержании ряда понятий поэтики в татарской литературе в сопоставлении с русской литературой.

Ключевые слова: поэтика, дискурс, сопоставление литератур, татарская литература

А.В.Михайлов в монографии, посвященной проблеме исторической поэтики в истории немецкой культуры, писал, что "занимаясь иной, чужой, далекой и т.п. культурой, он, исследователь, либо отсчитывает от себя, от *своего*, либо от *чужого*, либо по преимуществу "подкладывает" свое под чужое, либо чужое под свое" [1: 45]. В высказывании ученого понятия "своего" и "чужого" выступают как категории исторической поэтики, под иной, чужой, далекой культурой исследователь имеет в виду культуру (литературу), отдаленную во времени.

Выделенные исследователем подходы используются и при сопоставительном изучении литератур. Так, для понимания татарской литературы ученые обращаются к инокультурным (инолитературным) понятиям: символизм (А.Саяпова), модернизм (Ю.Нигматуллина), импрессионизм (Р.Ганеева). Изучая психологизм в татарской литературе начала XX века, используют сложившиеся в русской литературе применительно к творчеству отдельных авторов определения индивидуальных творческих методов: "тайная психология", "диалектика души".

Второй путь (познание русской литературы через татарскую) не оформился как исследовательский подход в сопоставительном изучении русской и татарской литератур, что, скорее всего, объясняется европоцентризмом отечественной компаративистики: истории национальных литератур зачастую уподоблялись (и продолжают уподобляться) истории литератур русской и европейской.

Границы между первым и вторым подходами к сопоставлению литератур относительно: "...в постижении чужого, или, если угодно, в расшифровке языка иной культуры, для нас нет никакой непосредственности, – познание заключается в длинном ряде опосредований, в котором мы чужое познаем через свое, свое через чужое и т.д." [1: 30]. "Герменевтическая теория, – пишет ученый, – отдает себе отчет в этих сложностях познания и всякое действие такого историко-

культурного понимания помещает в неразрывный круг, в котором может быть продвижение вперед, но который знаменует бесконечность приближения к самой истине как некоему пределу. "Свое" (т.е. неотмыслимая аксиоматика собственной позиции) естественно подкладывается под все "чужое" в любом акте понимания, и для герменевтических течений вследствие этого остро встает вопрос о первом шаге в этом движении по кругу – узнавать ли себя в ином, в чужом, или же сразу акцентировать момент чужого в этой неразрывной корреляции своего и чужого" [1: 30]. В сопоставлении литератур таким первым шагом является именно второе: понимание другой литературы начинается с признания ее инаковости. В этой связи принципиальное значение для сопоставительного литературоведения приобретает вопрос о том, как зафиксировать эту инаковость.

Очевидно, что инаковость обнаруживается в первую очередь в языке. Лингвистический подход к сопоставлению литератур содержится в трудах Р.О.Якобсона, который рассматривал язык как основную детерминанту поэтичности. Поэтику Р. Якобсон определял как "лингвистическое исследование поэтической функции вербальных сообщений в целом и поэзии в частности" [2: 81].

Во-вторых, инаковость выявляется в поэтике. "Поэтика, – писал в одной из своих статей М.Л.Гаспаров, – это грамматика языка культуры. Язык родной современной культуры усваивается человеком стихийно – как русским человеком русский язык. Язык иной культуры приходится выучивать сознательно – как грамматику иностранного языка. Язык культур прошлого (а классика – это всегда культура прошлого: культурные языки изменяются быстрее, чем естественные) приходится выучивать не просто как грамматику, а как историческую грамматику" [3: 189]. И далее: "Понимание языка иной культуры, понимание чужой поэтики должно быть сознательным: язык нужно учить. При этом чем

меньше мы будем поддаваться иллюзии, будто в своей общечеловеческой сути все языки всех культур в чем-то одинаковы, т.е. похожи на наш, тем лучше мы избежим многих ошибок в этой науке понимания" [3: 189]. Ученый уподобляет историческую поэтику исторической грамматике и видит ее задачу в том, чтобы овладеть языком культуры ("культурным кодом") определенной эпохи: "Задача исторической поэтики в том и состоит, чтобы это стихийное освоение сделать сознательным, формализовать, как давно формализовано и этим ускорено освоение чужих естественных языков" [3: 192]. Формализация, очевидно, предполагает наличие понятийно-терминологической системы, в которой она осуществляется. Возможна ли подобная система при сопоставлении литератур?

В 1920-е годы русскими формалистами была предпринята попытка создания поэтики "как некоего... вневременного и внепространственного Логоса, переговаривающегося с самим собой в ходе нескончаемого создания моделей, в свою очередь позаимствованных из лингвистики или из начального курса логики, а затем вполне произвольно использованных для построения модели литературного текста" [4: 8]. "В конечном счете, – пишет Ю.Кристева, – это означает, что текст подводится под ту или иную лингвистическую теорию (как правило, под категории *языка*, и никогда – под категории *дискурса*) и в крайнем случае может быть сопоставлен с каждой из них, но так, что специфика литературного объекта – в рамках истории различных способов означивания – оказывается утраченной, а "поэтический" дискурс остается непоколебленным, коль скоро оказывается набором категорий и способом самопроверки, а вовсе не носителем объективного знания" [4: 8]. В противовес исторической поэтике формалисты создали логоцентрическую поэтику. Так, В.Шкловский в своей работе "Связь приемов сюжетосложения с общими приемами стиля", отвергая этнографическую теорию, по которой сходство повествовательных мотивов объясняется тождеством бытовых форм и религиозных представлений, противопоставляет ей внутренние законы "литературности" как таковой и выделяет универсальные приемы сюжетосложения: ступенчатое строение и задержание. Приведенный пример свидетельствует о том, что логоцентрическая поэтика ориентирована на выявление в литературных произведениях универсальных имманентных приемов, что снимает принципиальный при сопоставлении литератур вопрос об их инаковости по отношению друг к другу.

Вместе с тем часто в научных исследованиях различия между поэтиками национальных литератур становятся предметом рефлексии. Так, академик И.Ю.Крачковский, изучив первые арабские поэтики, пришел к заключению, что по своему значению использованные в них термины "не вполне совпадают с греко-римскими, поэтому нужно все время остерегаться привнесения чуждых понятий в самобытную концепцию" [5: 364]. П.А.Гринцер, рассуждая об особенностях восточной поэтики, писал: "Следует подчеркнуть, что вообще в восточной поэтике, когда речь идет о смысле слова или стиха, то в первую очередь имеется в виду смысл эмоциональный, и насыщенность смысла чувством всячески прокламируется и предписывается теоретиками поэзии... Утверждая эмоциональное содержание поэзии, восточные поэтики требуют, однако, не просто выражения чувств, а чувств как некоего духовного опыта, чувств не обыденных, а интеллектуализированных, лишенных индивидуальной или прагматической окраски, максимально универсализованных" [6: 7].

Подобного рода рефлексии, основывающиеся на представлении о том, что "литературные явления и процессы, номинально совпадающие в разных культурах, имеют структурно-содержательные различия, которые не могут быть осмыслены в общих и категориально емких суждениях на основе фиксированной суммы позитивного знания [7: 195], существуют и в сопоставлении русской и татарской литератур. В частности, В.Р.Аминева пишет об особом (отличном от европейского) содержании ряда понятий поэтики в арабо-мусульманской литературе: "эпос", "повествование" и пр. [7]. Созвучными с этими суждениями представляются идеи, высказанные Я.Г.Сафиуллиным: "Различие не может быть в полной мере рационализировано и выражено в логических категориях, хотя обратное, как правило, делается в компаративистике. Так, одним из основных принципов различения западных и восточных литератур является в компаративистике соотносительность субъективного и объективного в деятельности автора, а также при интерпретации его творчества. Однако этот принцип исследования соответствует природе только первого из сравниваемых предметов. В восточном литературном сознании, в отличие от западного, нет дифференциации на субъективное и объективное. Поэтому приведенное выше различие, построенное на такой дифференциации, не является продуктивным" [8: 93]. Это суждение в более локальном применении проблематизирует принципы разделения литературы на роды. Возможно, рассмотрение восточной литера-

туры с точки зрения гегелевской концепции литературных родов, основанной на противопоставлении субъективного и объективного, позволяет увидеть нехарактерную для европейской литературы недифференцированность родовых свойств.

Ю.Кристева в предисловии к французскому изданию "Проблем поэтики Достоевского" пишет о бахтинском преобразовании формалистической поэтики, основанном на понимании функционирования литературы с точки зрения ее места в истории знаковых систем и с точки зрения ее отношения к говорящему субъекту [4: 11]. Во второй части предисловия ("От Сократа до капитализма") исследовательница творчества М.Бахтина пишет о том, что, выступая с критикой формального метода, М.Бахтин "восстанавливает контакт с исторической поэтикой": "Цель его <Бахтина – М.И.> анализа уже не в том, чтобы понять "как сделано произведение", но в том, чтобы установить его место в пределах определенной типологии знаковых систем, существующих в истории. Вот почему он предпринимает исследование романной структуры как с точки зрения ее структурного (синхронного) своеобразия, так и с точки зрения ее исторического возникновения" [4: 13]. "Связывая специфическую знаковую систему (роман Достоевского), называемую Бахтиным полифонической, или диалогической, – продолжает Ю.Кристева, – с определенной традицией (мениппеей, карнавалом) и противопоставляя ее другой традиции (он именует ее монологической, приводя в пример Толстого), Бахтин уже самым этим актом пробивает глубочайшую брешь в формалистической поэтике. Вместо более или менее случайного каталога приемов, образующих Рассказ, который предлагается формалистами, Бахтин вводит определенную типологию литературных универсумов, не сводимых друг к другу и расчленяющих линейную историю на блоки, образованные знаковыми практиками. В результате начинает вырисовываться специфическая история различных рассказов, наука о которых как раз и заключается в установлении их множественности и их идеологической направленности" [4: 13-14].

Возможно, одна из принципиальных задач сопоставительной поэтики как раз и состоит в том, чтобы показать (и описать) не сводимую друг к другу множественность литературных универсумов. Эти универсумы дискурсивны. "Бахтин, – пишет Ю.Кристева, – оказался одним из первых, кто заметил, что категории, выработанные лингвистикой и усвоенные поэтикой, являются категориями языка, взятого в отвлечении от субъекта, и как таковые применимы к сфере,

которую очертила для себя лингвистика, конституировавшаяся как наука, однако они совершенно непригодны в области сложных знаковых практик (к каковым принадлежит и роман), где значение исходит от субъекта и возникает вместе с ним. Истина слова-дискурса, по Бахтину, заключена вовсе не во внеположном этому дискурсу референте, отражением которого ему предписывается быть. Вместе с тем оно не совпадает и с картезианским субъектом, самоотождествленным собственником своего дискурса, репрезентирующим себя в нем. Бахтинское слово-дискурс как бы распределено между различными дискурсными инстанциями, которые множественное "я" способно заполнять одновременно. Будучи поначалу диалогическим в той мере, в какой мы слышим в нем голос другого, адресата, такое слово становится затем глубоко полифоническим, коль скоро в конце концов в нем начинают слышаться голоса сразу нескольких дискурсных инстанций. Вслушиваясь в это слово-дискурс, Бахтин слышит в нем не лингвистику, но расщепленность субъекта, который сначала оказывается расколот потому, что конституируется "другим", а затем и потому, что становится "другим" по отношению к самому себе, обретая тем самым множественность, неуловимость, полифоничность. Язык некоторых романов как раз и представляет собой пространство, где можно слышать, как происходит это раздробление "я" – его полиморфизация" [4: 15].

Возможно, что задача сопоставительной поэтики при таком понимании литературных универсумов состоит в том, чтобы показать различие дискурсов. Так, применительно к татарской литературе небесспорным представляется использование понятия "полифония" [9: 126-146] по причине уже отмечавшейся недифференцированности субъекта и объекта, "я" и "другого", автора и персонажа. Вместе с тем авторский дискурс в произведениях татарских писателей не является единственной инстанцией, применительно к вершинным произведениям татарской прозы можно говорить о диалоге с трансцендентным, диалоге с Богом, что, скорее всего, восходит к традициям средневековой литературы.

Татарская лирика "эйдетична": в стихах татарских поэтов обнаруживается сращенность образно-понятийных начал. Примечательны в связи с этим критические суждения Г.Ибрагимова о творчестве трех татарских поэтов начала XX века (С.Рамиева, Дардменда и Г.Тукая) в статье "Татарские поэты". Критик пишет о том, что в поэзии Г.Тукая мысль и образ зачастую отделены друг от друга, и это воспринимается им (Г.Ибрагимовым) как недостаток, которого ли-

шены творчество Дардменда и С.Рамиева. Эйдентичность татарской поэзии, возможно, также связана с традициями средневековой восточной поэзии.

Приведенные наблюдения не уникальны. Выделенные особенности татарской поэтики становились предметом рефлексии, в том числе и в сопоставительных исследованиях. Дискурсивный подход является лишь одним из возможных к сопоставительному изучению поэтики.

* * * * *

1. Михайлов А.В. Проблемы исторической поэтики в истории немецкой культуры. – М.: Наука, 1989. – 232 с.
2. Якобсон Р.О. Работы по поэтике. – М.: Прогресс, 1987. – 461 с.
3. Гаспаров М.Л. Историческая поэтика и сравнительное стиховедение (Проблема сравнительной

метрики) // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. – М.: Наука, 1986. – С.188-210.

4. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. – М.: РОССПЭН, 2004. – 656 с.
5. Крачковский И.Ю. Избранные соч.– М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – Т.VI.
6. Восточная поэтика. Трактаты. Статьи. Комментарии. – М., 1996.
7. Аминева В.Р. Герменевтический дискурс в компаративистских исследованиях // Уч. записки КГУ. – Казань, 2007. – Т.149. – С.191-206.
8. Сафиуллин Я.Г. О межлитературном диалоге // Проблемы сравнительного и сопоставительного литературоведения Поволжья. – Чебоксары, 2010. – С.92-95.
9. Нигматуллина Ю.Г. Типы культур и цивилизаций в историческом развитии татарской и русской литературы. – Казань, 1997.

POETICS IN COMARATIVE STUDIES OF TATAR AND RUSSIAN LITERATURES

M.I.Ibragimov

In this article we substantiate the discursive approach to comparative studying of poetics. We raise the problem of a special content of some concepts within poetics in Tatar literature in comparison with Russian literature.

Key words: poetics, discourse, comparison of literatures, Tatar literature

* * * * *

Ибрагимов Марсель Ильдарович – кандидат филологических наук, доцент кафедры сопоставительной филологии и межкультурной коммуникации Казанского государственного университета

E-mail: mibragimov1000@mail.ru